

Становилось всё жарче, а тренировки в третьей роте — всё изнурительнее.

Как любил говаривать командир роты У Тао, чем суровее условия, тем крепче закаляется воля! К тому же по ночам теперь стояла теплынь, и вечерний променад, по его авторитетному мнению, шёл исключительно на пользу здоровью. В итоге бойцы третьей роты практически прописались на ночных полигонах.

— Наш ротный совсем берега попутал, — вполголоса проворчал Лао Нью.

— С чего вдруг? — Шэн Синьюань, обнимая автомат и прислонившись спиной к шершавому стволу дерева, тихонько усмехнулся.

— Раньше нас хотя бы так не упакивали. А как продули в прошлом году седьмой роте из третьего батальона, так лафа и кончилась. Начались наши весёлые деньки!

— Наша рота — и продула? — искренне удивился Синьюань.

— Конь о четырёх ногах, да и тот спотыкается. Чему тут дивиться? — Лу Ливэнь, пригнувшись, бесшумно вырос рядом и одарил Лао Нью суровым взглядом. — А ну зырь в оба! Разговорились тут.

— Есть! — Лао Нью послушно распластался по земле, уставившись в темноту.

— Как обстановка? — шёпотом спросил Лу Ливэнь.

— Чисто, — качнул головой Синьюань.

— Ухо остро держи. Третье отделение — парни тёртые, обведут вокруг пальца и не заметишь, — напутствовал помощник командира отделения и двинулся дальше вдоль позиций.

Синьюань поудобнее перехватил автомат и выровнял дыхание.

Сегодня первое отделение держало оборону, а третье пыталось прорвать рубеж.

Синьюань сосредоточился на секторе обстрела, твёрдо намеренный не допустить осечки. Ночная прохлада приятно освежала, но настоящим бедствием стали москиты. Выходя на учения, он беспечно рассудил, что для гнуса ещё рановато. Стоило залечь в траву, как выяснилось: местные комары плевать хотели на календарь и отличались редкой свирепостью.

Шевелиться было нельзя. Даже если сожрут живьём — лежи мёртвым грузом. Синьюань изо всех сил вглядывался в темноту перед собой, пытаясь отвлечься, но зуд на открытых участках

кожи стал настолько нестерпимым, что хотелось завывать и кататься по грязи.

Когда терпение уже подходило к концу, из кустов бесшумно вынырнул знакомый силуэт.

Синъюань даже бровью не повёл — по одному лишь мягкому шороху травы он сразу понял, что это Хань Жуй.

— Эй, — едва слышно позвал Хань Жуй.

— М-м? — отозвался Синъюань почти беззвучно.

— Мазью от гноса, небось, пренебрёг? — Хань Жуй ткнул его в бок крохотным флаконом.

Спаситель! Синъюань ожёг его преисполненным благодарности взглядом.

— Помоги мне намазать.

Хань Жуй отнекиваться не стал. Открутив колпачок, он принялся аккуратно втирать прохладное средство в горящую кожу товарища. Зуд отступил мгновенно, сменяясь приятным ментоловым холодком. Синъюань довольно прищурился.

— Ну просто благодетель. Век не забуду.

— Голова садовая. В следующий раз палец о палец не ударю, пускай тебя эти твари до костей обглодают.

— Слушаюсь и повинуюсь, — тихо приснул Синъюань. — Впредь буду осмотрительнее.

Закончив с процедурой, Хань Жуй развернулся, намереваясь отползти на свою позицию. Синъюань хотел напутственно похлопать его по плечу — мол, давай, аккуратнее там, — но в темноте промахнулся, и сочного шлепка удостоилась... упругая задница Хань Жуя.

Тот мгновенно замер и обернулся. Взгляд, которым он наградил Синъюаня, мог бы без труда освежать тигра на ходу.

Синъюань сконфуженно убрал ладонь.

— Извини, с прицелом промазал. Темнотища же.

— И куда ты целился, интима кусок? — прошипел Хань Жуй сквозь зубы.

— Ну... — Синъюань тихо хмыкнул, пытаясь свести всё в шутку. — Хочешь, отомсти? Можешь шлёпнуть в ответ.

Он думал, тот просто огрызнется, но Хань Жуй церемониться не стал. Его пальцы, словно тиски, сомкнулись на бедре Синъюаня и провернулись с адской силой.

Мать твою! Синъюань едва не взвыл на весь полигон, вцепившись зубами в собственный рукав. Ну подумаешь, задел филейную часть, зачем же плоть от костей отрывать?!

Удовлетворённый местью Хань Жуй с победоносной ухмылкой уполз во мрак.

Синъюань, кривясь от боли, осторожно потёр пострадавшее место. Чёрт, синяк там теперь точно во всю ягодицу расцветёт.

— Что, прикоснулся к священной тигриной заднице? — послышался из соседних кустов язвительный шёпот Лао Нью.

Синъюань лишь сверкнул зубами в темноте, промолчав.

Лао Нью хотел было развить тему, но внезапно осёкся, заметив шевеление впереди.

— Движение!

Он навскидку выпалил по подозрительному кусту, но едва дульное пламя выдало его позицию, как из темноты прилетел точный ответный выстрел. За спиной Лао Нью заструился густой белый дым. Готов, отвоевался сердешный.

Поняв, что товарищ повёлся на банальную обманку, Синъюань мгновенно подобрался. Он замер, затаив дыхание и гадая, засёк ли противник его самого. Палец мягко лёг на спусковой крючок. Теперь оставалось только ждать, пока враг совершит ошибку.

Ветер лениво шелестел листвой. Слева снова зашуршало, но, прильнув к прицелу, Синъюань понял: это дешёвый трюк, отвлекающий манёвр. Он не шевельнулся, продолжая выжидать.

Минуло минут пятнадцать. Округа погрузилась в глухое безмолвие. Синъюань держал напряжение каждой мышцей тела, не позволяя себе даже моргнуть лишний раз.

Шла игра на выбывание: он просчитывал траектории, противник прощупывал оборону. И вот у того же куста едва заметно качнулась ветка — совсем не в такт ветру. Лицо Синъюаня заледенело. Больше не колеблясь ни секунды, он плавно выжал спуск.

Хлопок! Над зарослями поднялось белое облачко. Даже сквозь ночные шорохи донёсся чей-то раздосадованный шёпот: «Твою ж мать, ну как так-то!». Синъюань довольно ухмыльнулся и попластунски отполз на запасную позицию.

Новый рубеж оказался совсем рядом с точкой Хань Жуя. Тот лежал неподвижно, уперев приклад в плечо, и от всей его фигуры веяло опасной, хищной сосредоточенностью.

Есть люди, рождённые для войны, и Хань Жуй определённо был из их числа. Вне полигона — колючий, вечно спорящий мальчишка, но дай ему в руки оружие, и перед тобой предстал хладнокровный боец. Почувствовав на себе пристальный взгляд Синъюаня, Хань Жуй лишь на долю секунды скользнул по нему глазами и тут же вернулся к наблюдению. Синъюань мысленно признал его превосходство и поспешил сосредоточиться на своей задаче.

В этой схватке первое отделение одержало чистую победу.

Командир первого отделения Гао Цзяньго так сиял, что щёки едва не трескались, а вот его визави, командир третьего отделения Гу Фэй, в ярости раздавал воспитательные пинки своим незадачливым новобранцам.

— Слышь, Гу Фэй! Проигрывать тоже надо уметь, чего на пацанах-то отыгрываться? — подначил его Гао Цзяньго.

— Пошёл ты в задницу! — огрызнулся Гу Фэй. — Если б эти два барана меня не сдали, хрен бы вы нас взяли. Ловили бы сейчас ртом воздух!

— Так зачистку надо с головы начинать, классика же! А ты элементарных вещей не сечёшь, — цыкнул зубом победитель.

— Бл*ть, да какой козёл меня вообще снял?! — не унимался раздосадованный Гу Фэй.

Синъюань скромно потёр переносицу и попытался боком уйти в тень.

Хань Жуй заметил этот манёвр и понимающе хмыкнул.

— Так это ты у нас тот самый козёл? — вполголоса подколот он товарища.

— Сам ты козёл, и родственники твои до пятого колена! — огрызнулся Синъюань, но малость не рассчитал громкость.

Его слова долетели до ушей Гу Фэя.

— Ах ты ж паршивец! Ещё и огрызается! Так это твоих рук дело?!

Синъюань тут же пошёл на попятную, уверяя, что стрелял чисто наобум и вообще целился в куст.

Гао Цзяньго сбоку активно подливал масла в огонь, вещая про суровую армейскую справедливость и то, что классовых врагов щадить не положено.

— Какая, нахрен, справедливость! — Гу Фэй в шутку попытался отвесить Синъюаню пинка, но тот ловко увернулся. Отведя душу, командир третьего отделения поплёлся строить своё воинство.

Потирая пострадавший бок, Синъюань с укоризной уставился на Хань Жую.

«Зачем ты меня сдал, предатель?»

Хань Жуй лишь развёл руками с самой невинной миной.

«Я? Да ни в одном глазу».

После того дурацкого недоразумения с Лу Ливэнем в отношениях Синъюаня и Хань Жую появилось какое-то новое, едва уловимое тепло.

Теперь, уходя на совместные тренировки с Лу Ливэнем, Синъюань каждый раз подначивал Хань Жую:

— Мы с моим ненаглядным пошли шуры-муры крутить, завидуй молча!

Хань Жуй в ответ неизменно награждал его смачным пинком под зад и рывкал:

— Свали в туман!

И Синъюань с довольной ухмылкой улепётывал на занятия.

С наступлением жары каждая тренировка превращалась в филиал ада, и бойцы возвращались мокрыми до нитки. Синъюань готов был торчать под водой круглые сутки. Хань Жуй тем временем усердно осваивал рукопашку под руководством Гао Цзяньго, свирепо отрабатывая удары так, что воздух вокруг свистел.

Бытовые условия в третьей роте роскошью не отличались, отдельной душевой не было. Но поскольку в расположении триста второго полка женщин отродясь не водилось, все без

лишнего стеснения мылись прямо в общем умывальнике, сбрасывая с себя мокрую форму.

— О, Синъюань притопал? — Лао Нью, стиравший у раковины форму, мазнул взглядом по его насквозь мокрой майке. — Наш помощник командира отделения Лу тебя совсем загонял. Смотри, концы от обезвоживания отдашь.

— Ну и язык у тебя, Лао Нью, без костей! — Лу Ливэнь вошёл следом, вытирая заливавший глаза пот. Выглядел он немногим лучше своего подопечного.

— А чего я такого сказал? — ухмыльнулся тот. — Помощник командира отделения Лу лично показывает пример, хвалить надо!

— Всё, завязывай, — Лу Ливэнь шутливо отмахнулся. — От твоей болтовни уши вянут.

С этими словами он стянул липкую от пота майку и не глядя швырнул её прямо в таз Лао Нью.

— На, прояви инициативу, постирай за компанию.

— Слышь, командир, это уже произвол! — притворно возмутился Лао Нью. — Наглый грабёж среди бела дня!

— Грабёж? — Лу Ливэнь, щеголяя подтянутым торсом, лукаво прищурился. — А ты уверен, что не насилие над личностью?

— Мама дорогая! — Лао Нью комично прижал руки к груди и заговорил писклявым девичьим голоском: — Господин хороший, пощадите сиротку, я ж девица нецелованная, будьте нежнее...

Лу Ливэнь изобразил рвотный позыв и сунул голову под кран с холодной водой.

Синъюань, наблюдая за этим балаганом, стянул через голову мокрую майку и принялся умываться.

— Озорник... ну куда же вы, вернитесь... — Лао Нью явно вошёл во вкус, картинно оттопырив мизинец и наступая на шутников.

Деваться Лу Ливэню было некуда, и он бесцеремонно схватил стоявшего рядом Синъюаня, укрывшись за его широкой спиной как за щитом.

— О господин Лу... — Лао Нью томно захлопал ресницами.

Синъюань и Лу Ливэнь, прижавшись друг к другу, дружно вздрогнули от накатившей волны

кринжа.

— Синъюань, ты уже... — Хань Жуй с тазом в руках застыл на пороге умывальника. Картина маслом: двое полуголых парней сцепились в тесных объятиях. Он осёкся, лицо его мгновенно окаменело.

— Спасайся кто может! Тут суккуб разбушевался, сейчас всю душу выпьет! — Синъюань, не заметив перемены в его лице, шагнул навстречу и утянул притихшего Хань Жуя в общий круг.

— Ах, молодой господин Хань... — затянул Лао Ню манерным оперным голосом, от которого у всех троих по коже побежали мурашки размером с кулак.

— Брат Ню, пощади! — взмолился Синъюань, театрально кланясь.

— Лао Ню, ты просто гений комедии, — Лу Ливэнь переборол спазм смеха и показал ему большой палец.

— То-то же! Знай наших! — Лао Ню самодовольно фыркнул и наконец вернулся к замачиванию командирской майки.

Лу Ливэнь облегчённо выдохнул, наскоро сполоснул лицо и, подхватив свои вещи, поспешил ретироваться.

— И что это сейчас было? — глухо спросил Хань Жуй.

Синъюань, утираясь вафельным полотенцем, повернулся к нему. Обычная армейская дурь, ничего особенного, но вот лицо Хань Жуя... Он прищурился, уловив знакомые нотки, и заговорщически подмигнул.

— Опять ревнуешь, что ли?

— Да пошёл ты к чёрту! — Хань Жуй предсказуемо вспыхнул.

Синъюань покосился на дверь — Лао Ню как раз ушёл вешивать бельё, и они остались наедине.

— Ладно-ладно, и что, по-твоему, мы тут затевали?

— Откуда мне знать? — Хань Жуй принялся с остервенением выдавливать пасту на щётку. — Ты ж у нас парень общительный, со всеми дружишь. А с Лу Ливэнем — особенно.

Синъюань демонстративно принялся и весело сощурился.

— Чуешь? Как будто лимонным соком потянуло. Кислит прямо-таки не по-детски.

— Окосел ты от своей тренировки, — Хань Жуй пихнул его локтем. — От самого разит за версту, а ещё на запахи жалуется.

— Не скажи, дорогой, — ухмыльнулся Синъюань. — От меня пахнет честным потом, а вот от тебя — чистой ревностью. Духовной, так сказать.

Хань Жую потребовалось секунды три, чтобы переварить услышанное. Дошло: над ним откровенно издеваются!

— Ах ты гад! — он шутливо замахнулся кулаком.

— Воу, полегче! — Синъюань со смехом отпрянул. — Чему тебя там только Гао Цзяньго учит? У тебя же не кулаки, а кувалды! Ой, бл*... больно же!

— Не притворяйся, доходяга, — хмыкнул Хань Жуй, но кулак опустил.

— Какое притворяйся? Ты мне на полигоне так ногу выкрутил, что там до сих пор синяк с кулак красуется! — Синъюань возмущённо указал на пострадавшую часть тела.

— Да ладно врать-то. Я контролировал силу.

— Ты на тренировках деревянные манекены ломаешь, а у меня тут живая плоть! Настоящая, нежная!

— Да неужели? — Хань Жуй нахмурился, в его глазах проскользнуло сомнение. — Покажи.

Синъюань поперхнулся воздухом.

— Ты сейчас серьёзно? Хочешь на мою задницу полюбоваться?

— Сдалась мне твоя задница, будто там цветы цветут. Показывай давай, не убудет от тебя, — Хань Жуй шагнул ближе и без лишних церемоний потянулся к его ремню.

Синъюаню стало щекотно. Пытаясь удержать штаны одной рукой, он покатился со смеху.

— Помогите! Спасите! Честного призывника среди бела дня чести лишают!

— Заткнись! — Хань Жуй тоже увлёкся игрой. Он ловко перехватил его руки и уцепился за пояс армейских брюк. — Будешь орать — пеняй на себя. Силой возьму!

— Да постой ты... — Синъюань попытался выкрутиться, но Хань Жуй применил профессиональный захват, прижав его спиной к раковине. Секунда — и штаны Синъюаня безжалостно съехали вниз, являя миру упругую половину ягодицы.

— Ну-ка, глянем, что тут у нас... — глумливо протянул Хань Жуй.

Синъюань, задыхаясь от смеха, попытался повернуться, но его взгляд упёрся в дверной проём.

На пороге умывальника с раскрытым ртом стоял вернувшийся Лао Нью. В его руках мелко-мелко дрожала пластиковая вешалка.

<http://bllate.org/book/18240/1765405>